

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

ДОМ НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Цикл

«Инженер»

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН

КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ

МИРОТВОРЕЦ

ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

Цикл

«Терра инкогнита»

ЭМИГРАНТЫ

ВЕК ЖЕЛЕЗА И ПАРА

ЭРА НАДЕЖД

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Андрей Величко

Дом на берегу океана

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27 Дом на берегу океана: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.:
ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1257-0

Зачем инженеру одного из оборонных НИИ вдруг срочно потребовался револьвер, причем заряженный? А кроме него — топор, палатка, большая летающая модель с телекамерой и много чего еще, включая два бигмака и пакет конфет «Белочка». Очень просто: Николай сумел открыть проход в другой мир и считает, что все это ему там пригодится. Конечно, может понадобится и еще что-нибудь, но молодой человек пока не знает, что именно. И хорошо, что не знает, иначе у него сразу бы опустились руки.

Но поговорку «глаза бояться, а руки делают» придумали не зря. Тем более что руки у Николая есть, работать ими он умеет и любит. В общем, сделать он может довольно много... да так, что мало никому не покажется.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1257-0

© Величко А. Ф., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Ну вот, значит, и настал тот самый час «икс», в приход которого я в глубине души не верил, но все же принял некоторые меры по подготовке к нему. Правда, до конца довел не все, ибо это было чревато. Но сейчас — пора.

Достав из ящика стола устройство, в далеком сорок четвертом году выпущенное как наган, а потом переделанное в стартовый револьвер МР-313 и в таком виде допущенное к свободной продаже, я повернул держатель шомпола, вытащил ось барабана, затем сам барабан. В проем просунул отфрезерованную на работе двухсантиметровую железяку с дыркой посередине, вместе с револьвером зажал ее в больших тисках, после чего взял небольшой углекислотный огнетушитель. Он был доработан для выполнения вполне определенной задачи, то есть вместо раструба на выходе торчал штуцер с пятимиллиметровым отверстием. Потому как я не собирался тушить бывший наган: его требовалось охладить примерно до минус семидесяти градусов.

Огнетушитель зашипел, на оружии появилась изморозь. Через пару минут я закрыл кран, сунул в ствол восьмимиллиметровый штырь из ванадиевой стали и несколько раз ударил по нему молотком, с каждым ударом все сильнее.

В стволе бывшего нагана торчала приваренная с правой стороны заглушка-рассекатель, и я хотел для начала попробовать ее просто выбить. Не получится — у меня есть и хорошее восьмимиллиметровое сверло подходя-

щей длины, но высверливанием можно попортить ствол.

Заглушка вылетела после четвертого удара. Посмотрев на место, где она была якобы прихвачена сваркой, я в восхищении хмыкнул. Это же надо было так экономить ток и время, чтобы она держалась на какой-то еле заметной сопельке! Или неведомые специалисты с Ижмеха специально нашли такие инженерные решения и так подобрали технологию их воплощения, чтобы возвращение бывшего нагана в близкое к первоначальному состояние не представляло особой сложности? В таком случае, как говорится, уважуха. Потому как в продаже есть и другой изуродованный наган, он называется «Блеф», но его восстановить до боевого куда труднее.

Чуть пройдя цилиндрической алмазной шарошкой по месту бывшей сварки, я прогнал ствол разверткой на «восемь и две». Посмотрел на свет — нормально, для начала сойдет. Значит, можно приступать к зарядке барабана.

Как почти у всех, дома у меня имелась немалого объема коробка с медикаментами, и вскоре оттуда был извлечен пузырек с этикеткой «Виталин-Б». Хрен его знает, панацеей от каких болезней оно когда-то являлось и что означала буква «Б», но сейчас там находился порох, заранее наковырянный из строительных патронов.

Я вставил в каморы тонкостенные цилиндрики из хорошей стали, так что теперь их калибр составлял «восемь и три». Зарядил семь капсулей, меркой засыпал в каморы порох и вогнал в цилиндры самодельные пули по образцу Бреннеке. Вполне возможно, что они все-таки начнут кувыряться, но ведь не сразу же! Метров десять они точно пролетят прямо, а может, и все двадцать. Дальше — барабан в рамку, ось на место, шомпол в нижнее положение и пропихнуть внутрь, рычаг-фиксатор вверх. Все, у меня в руках полноценный срок.

Суем его в подмышечную кобуру. Топорик — на ре-

мень справа, лопатку — слева, рюкзак с набором выживальщика — за спину. Кажется, готов? Вот ведь debil, ругнул я себя, опять чуть не забыл открыть окно. Вот теперь, кажется, действительно все. И, значит, включаем питание прибора. Пока он будет выходить на режим, у меня есть полминуты, чтобы в последний раз усомниться: а так ли оно мне надо столь упорно и изобретательно идти навстречу приключениям на свою пятую точку?

Но на данную тему я думал уже не раз, так что вопрос был чисто риторическим.

ГЛАВА 1

Эта история началась пять лет назад, когда я хоть и довольно поздно, в тридцать лет, но все-таки женился. Перед каковым событием познакомился с родственниками своей будущей жены, в том числе и с ее дедом. Он оказался видным археологом — естественно, в прошлом: сейчас дед давно пребывал на пенсии. И воодушевился, узнав, что я инженер-электронщик, причем не по компьютерному железу, а по силовым устройствам. Еще до свадьбы он пригласил меня в гости, где показал свою домашнюю радиомастерскую и поделился трудностями, возникшими у него в процессе изучения каких-то допотопных камней. Меня несколько удивило, что он изучал их на дому, причем не методом внимательного рассматривания под микроскопом, капания какими-нибудь кислотами или как там еще принято в их среде, а прикладывая к ним электрические импульсы немалой мощности и довольно заковыристой формы. Однако я согласился помочь чем смогу.

По просмотре схем его творений деду было сказано, что они явно представляют собой немалую палеонтологическую ценность, ибо где сейчас можно откопать, например, транзистор КТ805? Да еще в круглом корпусе. Но вот хорошо работать эта древность не будет. Опять же импульсы потребной формы на его пятьдесят пятом осциллографе при всем желании не увидишь.

Старикан пожелал узнать, какой из современных я ему посоветую, причем не впал в панику, узнав цену «Тектроникса» трехтысячной серии. Более того, он

предложил мне подзаработать на его хобби, придумав и изготовив несколько схем.

Собственно говоря, чем-то подобным я и так регулярно занимался. Мне не так уж и мало платили на работе тогда — около тридцати пяти тысяч — и не мешали в свободное время брать заказы со стороны, на чем я имел еще примерно столько же. А теперь в ряды моих клиентов влился и дед жены, с которого я, несмотря на его протесты, брал по-родственному, то есть раза в два меньше, чем со всех прочих. Если бы я тогда представлял, во что все это выльется, то сделал бы все бесплатно да раз в пять быстрее, чем оно получилось без спешки! Но, как говорится, знал бы прикуп...

В общем, получилась еще одна побочная работа, оказавшаяся кстати, потому как после женитьбы расходы мои заметно возросли.

Но, слава богу, семейное счастье оказалось непродолжительным, я даже не успел толком залезть в долги. Жена, похоже, убедилась, что при сравнительно высоких заработках ни малейшего желания делать карьеру у меня нет. То есть ей никогда не стать супругой бизнесмена, директора или депутата, не жить на собственной вилле и не блистать на светских приемах. И три года назад мы мирно расстались, не поругавшись и не предъявив друг другу имущественных претензий. Даже машина осталась мне — жена вообще не считала мою «девятку» автомобилем. Оставшись один, я навалился на работу и халтуру, так что уже через полгода после развода был ничего никому не должен, однако как-то втянулся работать по четырнадцать часов в сутки и продолжал защищать деньги. А что еще делать — смотреть телевизор или пить водку? Так сразу и не скажешь, что вреднее, но, наверное, все-таки телевизор. В результате чего вскоре я с удивлением увидел, что деньги прибывают быстрее, чем у меня получается их тратить.

На некоторое время равновесие было восстановлено покупкой дачного участка. Давно, еще на заре пере-

стройки, институту выделили кусок земли под это дело, а он распределил по восемь соток между своими сотрудниками. Старожилы рассказывали, какие интриги плелись вокруг этих несчастных клочков почвы в лесу, но помаленьку все устаканилось. А потом перестройка кончилась, и началось сами знаете что. В общем, к нынешним временам из восьмидесяти участков хоть как-то освоены были десятка два. Ни воды, ни газа, ни электричества в поселке не было, причем его обитатели и не очень стремились их провести. Генераторы были почти у всех, имелся один общий колодец и несколько индивидуальных, зато так дачный поселок представлял собой тихое место в лесу, а проведи туда коммуникации — и начнется ажиотаж.

Так вот, один наш сотрудник в связи с нуждой в деньгах по случаю свадьбы дочери как-то вдруг спохватился, что у него есть земельная собственность, и предложил ее купить, если кого это интересует. И вскоре всего за пятьдесят тысяч вместе с оформлением я стал хоть и не очень крупным, но все же землевладельцем. Потом заказал на свою будущую ферму доставку сортира и большой бытовки-распашонки о двух комнатах. Все это обошлось мне в восемьдесят пять тысяч. Еще штук в пятьдесят влетел инструмент, среди которого был сварочный генератор, то есть он давал не только двести двадцать вольт, но и с отдельного выхода обеспечивал сварочный ток до ста девяноста ампер. Далее я собирался своими руками построить дом, выкорчевать березки с осинами, коими за двадцать пять лет зарос мой участок, развести на грядках всякие овощи и в летнее время вести там здоровую жизнь на лоне природы.

Меня хватило на одно неполное лето. За это время я изничтожил три деревца, разбил на их месте небольшую грядку и засадил ее хреном, ибо мне сказали, что он может расти в тени. И убедился, что дом мне абсолютно ни к чему, двухкомнатной бытовки более чем достаточно, а к ковырянию в земле у меня почему-то образовалась

стойкая неприязнь. В результате чего следующим летом я появился на даче всего три раза, а в только что закончившееся обошелся вовсе одним. То есть деньги опять начали прибывать быстрее, чем уходить.

Однако полгода назад мне позвонил дед бывшей жены и попросил приехать. Выглядел он очень плохо, но все вопросы о своем здоровье отмел сразу, заявив, что хочет показать мне один любопытный эксперимент.

Дальше он провел меня к столу, где стояла закрытая пластмассовой крышкой литровая стеклянная банка. Рядом с ней на конструкции из тонких планок в одну линию лежали две небольших трубки — в такие дед засовывал свои камни, когда подводил к ним импульсы от генераторов — сначала своих, а потом моих, работающих куда лучше. От трубок шли провода к стоящим на краю моим блокам. Он вновь включил мои схемы, минуты за две вывел на режим, после чего напрягся и устоялся на контейнеры с камнями. И вдруг в банке непонятно откуда возникла тонкая струйка, похожая на водяную, бьющая от одной стенки до другой, причем по той же обрабатываемой линии, на которой находились трубки-контейнеры. Продолжалось это секунды две, после чего крышка с громким хлопком слетела с банки, покувыркалась в воздухе и шлепнулась на пол. Старик вытер пот со лба и выключил аппаратуру.

— Вот так, — сказал он, — как вы, Коля, можете объяснить только что увиденное?

— А что там за жидкость?

— Морская вода.

— Тогда скорее всего телепортация. Потому что явно не синтез — из воздуха внутри банки столько воды не получится, да и давление в этом случае упало бы, а здесь оно повысилось.

— Вы так спокойно об этом говорите?

— Ну, Виктор Семенович, вы же знаете, я вообще довольно спокойный человек. Если бы вы мне это просто

рассказали, можно было бы удивиться, с чего это вам взбрело в голову делиться такими фантазиями, но я видел струйку своими глазами. И сейчас вижу несколько кубиков воды на дне банки.

— Нет, Коля, это не телепортация, — вздохнул дед, — а всего лишь маленькая дырочка в один из параллельных миров, коих существует если и не бесконечно много, то уж, во всяком случае, не один и не два. Садитесь поудобнее, я расскажу вам все, но предупреждаю: подтвердить большинство своих тезисов мне нечем.

А дальше я услышал следующее. Есть теория множественности миров во вселенной. По одной из гипотез, приверженцем которой являлся Виктор Семенович, время в них течет по-разному, независимо и с переменной скоростью по отношению друг к другу. Именно поэтому взаимопроникновение миров является крайне редким событием, ибо для него необходимо почти точное равенство временных скоростей. Однако такое все-таки бывает, а расширить границы допустимой неравномерности помогает прибор, который по заказу деда сделал я. Подающий те самые импульсы на два камня. Что это такое и где он их взял, дед говорить отказался. Скорее всего откопал где-нибудь.

— У меня три кристалла, — закончил свою речь старый археолог. — Любые два из них под действием импульсов с ваших блоков могут обеспечить совмещение двух миров с близкими скоростями течения времени по какому-то участку плоскости. Его максимально возможная площадь тем больше, чем меньше временная разница. Кроме того, в случае, если оба они находятся в одном мире, ее надо поделить еще примерно на двести пятьдесят. Максимальная площадь совмещения, которой мне удалось достичь, чуть больше половины квадратного миллиметра.

Я начал думать, что можно пропихнуть через такую дырку. Почти ничего, разве что...

— Виктор Семенович, а в том мире нет областей с расплавленным золотом, например?

— Если они есть на нашей Земле, то могут быть и там. Хотите залезть в тигель какого-нибудь ювелира? Столь точная наводка при имеющейся аппаратуре невозможна, но тут многое зависит от вас, причем не только как электронщика. Как у вас со способностью сосредоточиться на чем-нибудь одном?

— Пес его знает, — честно ответил я.

— Дело в том, что некоторые люди обладают способностью создавать зоны перехода, и их не так уж мало. Кристаллы — всего лишь усилители. Но для этого нужно не только совпадение скоростей течения времени, но и ясное представление оператора о том, что находится по ту сторону перехода. Я вышел из положения просто — представил себе бескрайнее море, оно должно быть одинаковым на всех планетах, похожих на Землю. Теперь попробуйте вы — вдруг и у вас есть способности?

Поначалу мне показалось, что их нет — ну совсем. Я честно представлял себе море — то спокойное, то бушующее, потом с яхтой и почти голыми блондинками на ней, но в банке, вновь накрытой крышкой, ничто не менялось. Скоро мне надоело туда пялиться, и я стал смотреть на осциллограф. Когда открывался проход, импульсы чуть изменили форму и сдвинулись по фазе, это я помнил точно. Как же там было?

И вдруг картинка по первому каналу поползла, по второму сжалась, сбоку раздался свист, затем плюх, шлеп и дзынь.

Я повернулся к банке. На столе ее уже не было. Она пребывала на полу, но теперь в виде осколков. Там же расплывалась лужа, как будто разлилось по крайней мере полведра воды. В луже билась полосатая рыбка длиной сантиметра три-четыре. Мелькнула мысль «затопим соседей!», но сразу пропала, потому как дед жены жил на первом этаже.

— Великолепно! — пришел в себя Виктор Семено-

вич. — Я как чувствовал, что у вас огромный потенциал! По крайней мере, по сравнению с моим. Площадь со-
вмещения была чуть ли не три квадратных сантиметра, я
даже разглядел землю чуть впереди! А потом зону на-
крыло волной. В общем, теперь с этой аппаратурой при-
дется работать вам. — Голос деда окреп и приобрел ка-
кую-то торжественность: — Берите! Мое время уже вы-
шло, да и не готов я брать на себя такую ответствен-
ность.

«Интересно, какую?» — подумал я, но спросил дру-
гое:

— А чего это вы вдруг решили, что ваше время вы-
шло?

— Молодой человек, когда вы к семидесяти девяти
годам будете иметь за спиной два инфаркта, и при этом
у вас обнаружат язву желудка, вам тоже нетрудно будет
сделать подобный вывод. Тем более что, похоже, врачи
просто не хотели меня волновать, а на самом деле имеет
место не язва, а рак. Так что теперь аппаратура ваша, не
отпирайтесь. Вы, может быть, и не лучший из людей,
которых я знаю, но у вас есть одно достоинство, переве-
шивающее все недостатки. Ни при каких условиях вам
не придет в голову делиться моим открытием с властя-
ми. Я прав?

Разумеется, дед был прав. Делиться чем-нибудь с
этими? Да тут надо совсем рехнуться! Они и так без вся-
кого дележа подгрести под себя всю страну.

Я покинул Виктора Семеновича поздним вечером,
увозя в багажнике своей «девятки» коробку с аппарату-
рой и кристаллами, в папке — схемы, описания и инст-
рукции, а в кармане — четыреста тридцать тысяч рублей.
Дед всучил мне все, что у него было, объяснив, что на
том свете деньги ему точно не понадобятся. А вам, Коля,
будут явно не лишними, уточнил свою позицию старый
археолог. Он даже хотел завещать мне квартиру, но я на-
помнил, что у него есть родственники, которые окажут-

ся весьма разочарованы подобной новостью. Начнется свара, и резко возрастет риск вмешательства властей. Оно вам надо? Мне — точно нет, подвел я итог.

Виктор Семенович умер через месяц. Ну, а я после полугода возни с его кристаллами и своими генераторами вплотную подошел к возможности посетить соседний с нашим мир.

Согласно вступлению, оформленному Виктором Семеновичем как отдельный документ, соотношение между скоростями течения времени в близких мирах имело интересный характер. Например, в начале моих экспериментов оно составляло триста тридцать с небольшим. То есть я несколько раз забрасывал в тот мир таймеры на поплавках, снабженные мини-передатчиками, и при каждом последующем открытии можно было узнать, сколько времени там прошло с момента предыдущего. Так вот, первые измерения показывали, что в триста тридцать четыре раза меньше. Последний же замер продемонстрировал всего триста пятнадцать.

Виктор Семенович утверждал, что это соотношение знакопеременно. То есть время течет быстрее в том мире, где больше его кристаллов. Сейчас все три находятся здесь. Если я пропихну туда один, ничего не изменится. А вот если два, то время замедлится здесь! А в том, наоборот, побежит в те самые сколько-то раз быстрее. Причем все это происходило при закрытом переходе, ибо при открытом скорости выравнивались.

Путем тренировок, улучшения аппаратуры, ну и вследствие только что описанного уменьшения соотношения мне удалось довести диаметр зоны перехода до пяти сантиметров. Ох, и свистело же оттуда! Давление в том мире было существенно выше, чем в моей квартире, примерно семьсот шестьдесят пять миллиметров ртутного столба против семисот сорока трех.

Быстро выяснилось, что зону совмещения можно перемещать. Для этого требовалось одновременно пред-

ставлять себе три вещи — изменение формы импульсов по первому каналу, их сдвиг по второму и то место, где хочешь открыть переход. Причем, что интересно, попытки менять электрические параметры аппаратно ни к чему не привели, то есть проход в этом случае не открывался вовсе. А вот если подобное выходило в результате умственного напряжения, получалась новая привязка в том мире.

Поначалу я за полтора десятка итераций поднялся метров на семьдесят вверх. Во-первых, так разница давлений стала несколько меньше, а во-вторых, появилась возможность рассмотреть, как выглядит место, куда открываются проходы.

Впереди был вполне приличный пляж, за ним — откос высотой метров пять, заросший кустами с большими листьями. Сбоку виднелась совсем небольшая пальмовая роща. Развернув зону перехода назад, я пронаблюдал барьер из рифов метрах в ста — ста пятидесяти от берега. Солнце висело совсем низко над морем, но, закат это или восход, я точно сказать не мог. Вроде похоже на закат — больно уж небо красное, но, с другой стороны, откуда я знаю, как все это выглядит в тропиках, да еще и в другом мире?

Просунутая в дырку антенна чувствительного селективного вольтметра не уловила ничего, то есть эфир в том мире был девственно чист.

Виктор Семенович предполагал, что за переходом — та же Земля, только в прошлом. Что ж, в таком случае отсутствие всяких признаков радиопередач понятно. Но вот насколько это далекое прошлое, пока неясно.

За следующую неделю я открывал межмировую дырку раз двадцать. Выяснил, что на берегу океана сейчас вечер, ибо солнце немного опустилось. Кроме того, в Москве начало потихоньку подниматься давление, так что под конец разница стала совсем небольшой. Ну, и удалось вывести зону перехода на берег. Вчера я пропихнул туда метровый дюралевый шест с одним из кристал-

лов, электроникой и литиевыми аккумуляторами в качестве источников питания. Аппаратура включалась каждую минуту на тридцать секунд, и питания должно было хватить на десяток таких циклов. Здесь же от одного до другого проходило чуть больше пяти часов.

Во время первого синхронного включения я убедился, что теперь могу открыть проход диаметром метра два. Следующие два пропустил — надо было подготовиться к экспедиции в новый мир. И, наконец, подошло время четвертого.

ГЛАВА 2

Преодолевая встречный ветер, я сделал четыре шага вперед. Нагнулся и выключил питание на шесте с кристаллом: нечего ему зря сажать аккумуляторы, хоть у меня и есть свежий комплект в рюкзаке. Напор воздуха сразу стих, и я осмотрелся.

Итак, передо мной пляж с почти белым песком. Сзади — мелководье, за ним из воды кое-где торчат камни, отделяющие этот самый пляж от океана или моря. Впереди, метрах в двадцати, песок кончается, там откос высотой метров пятнадцать. Но не отвесный, да к тому же поросший кустами, так что забраться можно будет без труда.

Сказано — сделано, и вскоре я смог более основательно разглядеть, куда же мне открылся проход.

Судя по всему, это был или остров, или полуостров, потому как в одном направлении горизонт проходил по суше, а во всех остальных — по морю. Кстати, с какой именно стороны света суша и вообще работает ли здесь компас? Гляди-ка, показывает, и, выходит, суша простирается на юг по крайней мере до горизонта.

Открывшийся мне пейзаж не поражал разнообразием. Местность была плоской, во всяком случае, неровности больше двух метров не просматривались. Этакое

низкое плато, выпирающее из океана. Причем пальмы встречаются только на берегу или рядом с ним, а чуть подалее от воды растут только кусты примерно в рост человека.

Но все-таки кое-какие возвышения, порядка тех самых двух метров, тут были, и у ближайшего из них росла небольшая одинокая пальма. К ней я и двинулся, решив, что раз уж она там растет, то, наверное, хорошо закрепилась корнями, коли ее не сдуло во время штормов, которые здесь просто обязаны иногда случаться. И, значит, палатку надо ставить рядом с ней, используя ствол как основной узел прочности.

Впрочем, почва тут была очень твердая, колья входили в нее с натягом и сами по себе держали весьма неплохо.

Вокруг палатки я протянул охранный периметр из тонкой проволоки, поставил пять датчиков и включил сигнализацию. Теперь вряд ли кому удастся приблизиться меньше чем на пятнадцать метров незамеченным, а сирена у меня мощная, аж уши закладывает.

До захода солнца мне удалось нарубить дров из близлежащих кустов — кстати, довольно сухих внутри. Тут что, плохо с пресной водой? Похоже на то: откуда ей взяться на столь низкой местности? Но костра я пока разводять не стал — еще успею.

Стемнело очень быстро. Вот только-только солнце нырнуло в океан, как через пять минут на небе зажглись первые звезды, а еще через пятнадцать меня окружала самая настоящая ночь. Небо было почти безоблачным, и ничто не мешало рассматривать созвездия.

Они оказались совершенно незнакомыми, но это еще ни о чем не говорило. Ведь меня могло занести и в южное полушарие! На этот случай в рюкзаке имелась карта его звездного неба, которую я и достал. И где-то минут через пять убедился, что вижу на небе примерно то, что и на этой карте, — во всяком случае, на юге. Вот Центавр, чуть ниже него Циркуль, рядом — настоящий Южный

Крест, а левее — ложный, он малость побольше, но лежит немного на боку, и его звезды менее яркие.

Для определения координат у меня имелся электронный уровень с закрепленным на нем четырехкратным оптическим прицелом. Выставив ноль по горизонту, я три раза подряд направлял прицел в точку воображаемого пересечения длинной диагонали Южного Креста, который гораздо больше напоминает не крест, а ромб, и перпендикуляра к линии, соединяющей две ярких звезды слева от него. Замерял угол. Получилось сначала двадцать семь градусов, а потом двадцать четыре и двадцать два. Собственно, это было все, что я хотел узнать. Дальше оставалось на всякий случай сменить аккумуляторы в шесте-контейнере, теперь лежащем в палатке, выставить режим «тридцать секунд работы — пятнадцать минут паузы» и отправляться в свой мир.

Странно, скажу я вам, выглядел появившийся в южной ночи проход в ярко освещенную солнцем комнату! Подгоняемый попутным ветром, я шагнул домой и первым делом отрубил питание на аппаратуре по эту сторону перехода.

И тут меня начало трясти. Находясь по ту сторону перехода, я действовал почти на автомате — ведь все было продумано заранее. И был спокоен если и не как удав, то где-то близко к этому. Вернувшись же домой, смог налить себе стакан воды только с третьей попытки! Как-то раньше мне вроде не приходилось ловить себя на повышенной впечатлительности...

Хотя, конечно, я здорово рисковал, но ведь вроде был заранее готов к тому, что по каким-либо причинам переход отсюда сюда не откроется и мне придется остаток жизни так и куковать хрен знает где. Однако обошлось же, обошлось, чего теперь мандражить?

Впрочем, еще задолго до меня люди заметили, что ничто не вечно под солнцем. И минут через десять, окончательно успокоившись, я включил комп и залез в интернет. Мне всего-то и надо было, что радиоуправля-

емый вертолет грузоподъемностью в килограмм-другой и с максимальной продолжительностью полета не меньше получаса. Думаете, я нашел там хоть что-нибудь похожее? Фигушки, продавались только комнатные игрушки с электромоторами. Правда, на одном сайте предлагали мультикоптеры, которые вроде приближались к заявленным требованиям. Но тоже электрические, что означало — либо грузоподъемность, либо время в полете, а вместе того и другого не получится. Кроме того, цена вызывала оторопь, а сроки доставки — раздражение. Для очистки совести я посмотрел предложения по моделям самолетов — картина хоть и получше, но не намного. Ничего страшного — значит, мне придется вспомнить молодость, когда мы с отцом сделали несколько радиоуправляемых моделей. Так, а что у нас с движками? Ну, слава богу, хоть тут все нормально, есть на любой вкус и кошелек. А с топливом, если я выберу калильный? Тоже полный ажур, оно есть в интернет-магазине, его могут привезти на дом. О, тут и бальса тоже наличествует, и рейки разных пород дерева и всех размеров...

Значит, пора рисовать проект. Килограмм — вес телекамеры с пассивным передатчиком и аккумуляторами на сорок минут работы: в пределах прямой видимости это обеспечит прием на расстояние до восьми, а то и десяти километров. Триста граммов — приемник аппаратуры радиоуправления с питанием и сервоприводами. Сорок минут полета — это как минимум пол-литра топлива, возьмем с небольшим запасом. Итого полезная нагрузка моей модели должна составлять два кило. Учитывая, что у меня нет времени создавать шедевр аэродинамики, примем весовую отдачу за тридцать процентов. Значит, взлетный вес будет килограммов шесть-семь. Чтобы модель нормально взлетела после короткого разбега, ибо долго разгоняться там просто негде, тяга винта должна составлять не меньше трети веса, а лучше так и вовсе половину. Три кило тяги — это, грубо говоря, одна

лошадиная сила мощности. И, значит, надо выбрать самый легкий мотор из развивающих ее — раз и доступных к немедленному приобретению — два.

Мотор нашелся практически сразу. «СуперТигр 40», мощность чуть больше одной кобылы, вес полкило с глушителем, цена...

Вот она меня несколько смутила. Ну не может хорошая вещь стоить всего две тысячи рублей! Или все-таки может? Ведь почему я начал именно с этой марки — отец очень хорошо отзывался об этих моторах, но двадцать лет назад мы просто не смогли их достать. Ладно, может, я зря волнуюсь? В общем, можно составлять заказ. А потом в темпе строить самолетик, потому что мне очень хотелось узнать — остров или полуостров открылся за переходом? И что там есть, кроме песка и кустов, которые я видел вокруг места своего десантирования.

Так как на работе в это время было затишье, то изготовление самолетика заняло три дня. Еще день ушел на испытания и обновление навыков управления этой игрушкой, после чего потребовался ремонт шасси. Как раз когда я его закончил, подоспело время первого включения аппаратуры по ту сторону перехода, и вскоре я вновь оказался на берегу океана, с самолетом в руках и вторым рюкзаком за спиной — первый оставался в палатке. Кроме того, со мной был еще один кристалл в небольшом тубусе из нержавеющей стали.

Дело в том, что на месте прибытия меня ждала ночь. И если бы я там дождался утра, то за это время в двадцать первом веке прошло бы почти полгода! Вот мне и пришлось тащить в новый мир второй кристалл, чтобы разница в протекании времени поменяла знак.

До утра я просидел перед палаткой: заваливаться спать в неизвестном мире как-то не хотелось. Ожидание рассвета было скрашено разглядыванием карты мира, специально на этот случай загруженной в ноутбук. Мои недавние измерения, учитывая их весьма относитель-

ную точность, позволяли сделать вывод, что место попадания находится где-то между двадцатым и тридцатым градусами южной широты, вот я и решил глянуть, что тут может находиться. Оказалось, довольно много чего.

Не считая Африки, Южной Америки и Австралии, в указанном коридоре оказался Мадагаскар с несколькими мелкими островками, часть Французской Полинезии, остров Пасхи, еще какая-то мелочь ближе к американскому континенту. Правда, в Атлантике указанный сектор пустовал, так что меня скорее всего занесло либо в Индийский, либо в Тихий океан.

Но наконец наступил рассвет. Я присоединил к самолету крылья, потому как в собранном виде он не пролез бы через переход, взял его, пульт управления и рулон полиэтиленовой пленки, после чего спустился на пляж. Там раскатал пленку, придавив ее углы камнями, — получился неплохой аэродром: ведь просто с песка самолет не взлетел бы. Завел движок, дал ему прогреться, затем отпустил хвост модели и до предела двинул рычажок газа на пульте.

Самолетик взлетел. Развернув его носом к югу и поставив в режим набора высоты, я полез наверх, к палатке и ноутбуку.

Камера уже давала изображение, все расширявшееся по мере набора высоты, и минут через пять стало ясно, что меня выкинуло на остров. Палатка находилась в его северо-западной части, здесь от края до края было километра три с половиной. Северо-восточная оконечность представляла собой узкий мыс, за которым берег круто поворачивал на юг. В самом широком месте остров имел километров шесть, а с севера на юг простирался примерно на десять.

И был он на редкость однообразным. Везде ровно, никаких холмов или скал, везде сплошные кусты, и только у самого берега кое-где попадаются маленькие рощи низкорослых пальм. Никаких ручьев — да и откуда им взяться на этакой плещи. Более того, песчаные пля-

жи имелись только на севере острова, и два небольших участка — на северо-востоке. В остальных же местах берег обрывался отвесным уступом высотой от пятнадцати до двадцати метров.

Посадив модель на пляже, я опять уткнулся в карту. Теперь зона поиска была сильно сужена — требовалось найти остров довольно характерных очертаний. Поиск, пожалуй, лучше начать от западного побережья Южной Америки. Так, клочок земли имени Робинзона Крузо не подходит, двигаемся на запад. Тут — остров Пасхи, он больше и не такой формы. Дальше — архипелаг Питкэрн. А вот и мой остров, прямо один в один! На карте он называется Хендерсон. М-да, названьице так себе, но, с другой стороны, окажись остров каким-нибудь Хердельсоном, было бы еще хуже. В общем, в ближайшее же время переименую, решил я. Может, даже прямо сейчас.

Но прямо сейчас не получилось. Глянув в сторону северо-восточного мыса, я увидел какие-то движущиеся по пляжу точки, а взяв бинокль, разглядел, что это люди. Человек десять, загорелые и полуголые.

Поначалу я хотел подождать их у палатки, но потом решил вернуться в свою квартиру, оставив на острове только один кристалл. Тогда у меня будет почти месяц, пока они доберутся до лагеря, а за это время можно попробовать узнать, что за аборигены и в какие времена жили на этом острове.

Поиск в интернете был недолгим, и два вечера подряд я читал книгу Джарета Даймонда «Коллапс» — единственную, где описывалось, кто и когда жил на острове Хендерсон. Как говорится, нет повести печальнее на свете...

Итак, примерно в шестистах километрах западнее Хендерсона находится остров Мангарева. Собственно говоря, это целый архипелаг, находящийся внутри коралловой лагуны. Где-то веке в десятом там появились полинезийцы. Так как острова были вулканическими,

там имелся материал для изготовления каменных орудий. Правда, не первосортный, но все-таки. Острова имели горы, а значит, и пресную воду. И были покрыты лесами, где попадались достаточно большие деревья, чтобы из их стволов строить каноэ.

В лагуне водилась рыба, которую было не очень трудно поймать. Там же обитали моллюски в ракушках, из коих европейцы потом добывали черный жемчуг, а полинезийцы их просто ели, а из раковин делали рыболовные крючки — до полутора десятков из одной. В общем, жизнь потихоньку налаживалась, но вскоре переселенцы начали ощущать недостаток двух вещей. Первая — приличный камень: острова Мангаревы состояли из рыхлых базальтов. Кроме того, там потихоньку появилась своя элита, аппетиты которой росли по мере роста благосостояния. В общем, как у нас. И точно так же эту элиту все чаще посещали мысли: да с какого же хрена мы будем давиться теми же моллюсками и той же убогой рыбкой, что быдло? И украшать наши сияющие персоны перьями все того же серого голубя, ибо других птиц на Мангареве нет, да и голубей становится все меньше и меньше. Что же это за народ, который не может обеспечить достойный уровень жизни своих лучших представителей?

И вот начали строиться большие каноэ, а затем в океан отправились экспедиции. Выяснилось, что не так далеко, примерно в пяти днях пути, есть два острова. Один — Питкэрн, вулканический, заросшая лесом гора посреди океана. На нем нашлось всего одно место, куда можно пристать, да и то с трудом и в хорошую погоду, но в ущельях залегают кремни и, что самое главное, обсидиан. Зато места для земледелия почти нет, а ловить рыбу очень трудно — берега отвесно обрываются в океан, и сразу начинаются большие глубины.

Вторым островом был Хендерсон. Он оказался коралловым, то есть состоящим из известняковых пород, абсолютно непригодных для изготовления орудий. Но

зато на нем водилось много птиц с разноцветными перьями, на пляж приплывали откладывая яйца гигантские черепахи, а по берегам, кроме мелких пальм, росли красные деревца. Хотя и совсем небольшие, но с необычайно прочной и красивой древесиной, отлично подходящей для изготовления шаманских жезлов и прочих атрибутов власти.

В общем, довольно быстро новооткрытые острова были колонизированы. На Питкэрне добывали кремль и обсидиан, получая взамен продукты питания и рыболовные крючки. То же самое плюс пресную воду везли на Хендерсон, а оттуда — мясо черепах к столам властителей Мангаревы и разноцветные перья, чтобы их было нельзя спутать с простыми полинезийцами.

Такая благодать длилась около двух столетий. Население Мангаревы потихоньку росло, но тут как-то незаметно подкрался экологический кризис.

Из-за интенсивного земледелия началась эрозия почв. Моллюсков и рыбы в лагуне становилось все меньше и меньше, а вскоре кончились огромные деревья, из стволов которых делались каноэ. Некоторое время в рейсы на Хендерсон и Питкэрн плавали сделанные ранее, но их число неуклонно уменьшалось, так что вскоре всякие сношения между островами прекратились.

На Мангареве население сохранилось, хоть и сильно деградировало. Пошла череда гражданских войн — сначала властители собачились друг с другом за остатки хоть чуть-чуть плодородных земель, перьев и обсидиана, а потом народ, судя по всему, потерял терпение. Да что же это за элита, спросил он, раз она не может воровать так, чтобы нам тоже оставались хоть крохи? И началась уже война всех со всеми, которая быстро уменьшила население Мангаревы в десятки раз и отбросила его в полную дикость.

На Питкэрне и Хендерсоне не воевали — слишком малочисленны были для этого тамошние общины. Тут сработали две простые закономерности.

Для поддержания достигнутого уровня развития необходима какая-то минимальная численность населения — это закономерность номер один. Если народу станет меньше, племя начнет деградировать, что в суровых условиях Хендерсона и Питкэрна означает смерть. Так вот, для того уровня развития, на котором пребывали полинезийцы, минимальная численность племени составляла порядка семидесяти человек трудоспособного возраста.

А вторая закономерность была еще проще. Питкэрн мог прокормить человек сорок, Хендерсон — не больше шестидесяти. И значит, шансов у отрезанных от Мангаревы колонистов практически не было.

Связи между островами прервались примерно в середине пятнадцатого века. Сколько лет островитяне в напрасной надежде смотрели в океан, ожидая чуда — появления каноэ с Мангаревы? Никто не знает. Но испанский корабль, проходящий мимо Хендерсона в начале семнадцатого века, населения на острове не обнаружил. Почти двести лет спустя аналогичная картина предстала перед высадившимися на Питкэрне англичанами.

ГЛАВА 3

Чтение было закончено вечером в пятницу. Перед сном я успел в общих чертах прикинуть, что мне делать на открывшемся по ту сторону перехода острове.

Итак, более или менее прояснилось, какие там сейчас времена — где-то от четырнадцатого до семнадцатого века нашей эры. До появления европейцев еще прорва времени, что утешает. Правда, остается неясным — каноэ с Мангаревы еще приходят или уже нет? Впрочем, это вряд ли повлияет на мои действия, особенно поначалу.

Независимо от того, что я собираюсь в дальнейшем делать в том мире, нужна база. Подходит ли для нее Хен-

дерсон? Вроде да. Вряд ли в таких условиях население будет враждебно относиться к чужакам — скорее, наоборот. То есть вреда от него скорее всего не будет, а вот польза может быть, и немалая.

Во-первых, стройка. База подразумевает какие-то помещения, но один я их буду строить долго, и еще неизвестно, когда и чем это строительство кончится. Аборигены же, вероятно, помогут, если им предложить что-нибудь ценное. Если уж за обсидианом им не лень было отправлять морские экспедиции, то какой безумной ценностью покажется кухонный нож? А ведь я смогу предложить им и охотничий, не разорюсь. Опять же крючки, которые делаются из ракушек, — небось тот еще геморрой, и вряд ли они выходят такими уж хорошими. А мне не жалко сходить в «Рыболов-спортсмен», он в трехстах метрах от моего дома. Опять же леска, поплавки, всякие там грузила...

Тут моя фантазия дала сбой, потому как в последний раз я удил рыбу лет в десять, да и то не сказать, что впал в восторг от этого процесса. Но сейчас в природе есть интернет, что там можно узнать полезного?

Посмотрев цены на рыболовные сети и бредни, я пришел к выводу: островитяне обойдутся. Их что, из золота делают или как? Лучше купить рулон строительной сетки, он раз в двадцать больше по площади и во столько же дешевле. С крючками тоже было не очень понятно. Набор из двух десятков предлагался за тридцать рублей. А единичный крючок, причем, судя по фото, из того же набора, стоил пятьдесят!

Аллах с ними, разберусь в магазине, подумалось мне. Что еще надо захватить на первую встречу? Судя по книге, на Хендерсоне плохо с пресной водой. Значит, надо купить пару больших бутылей родниковой, не помешает.

Ладно, аборигенам пока хватит. Ну, а что нужно на первое время мне?

Вроде бы там обитает немало всяких птичек, припомнил я. Птицы — это не рыбы, ядовитых среди них нет,

есть просто невкусные. Значит, нужна мощная пневматическая винтовка, причем желательна многозарядная. То есть надо не идти в «Рыболов-спортсмен», а ехать в «Охотник» в Новых Черемушках — там, кажется, имеется и рыбный отдел.

Когда я прибыл в охотничий магазин и увидел, сколько стоит удовлетворяющая всем моим требованиям пневматическая винтовка, меня взяла оторопь, а жаба завопила что-то вроде «прочь, прочь отсюда!». Самая дешевая — турецкий «Хатсан эй-ти 44-10» тянула без малого на семнадцать тысяч! Да к ней еще нужен был насос за семь штук, без которого она была простой железякой.

Продавец, увидев, что в общем-то я настроен довольно серьезно, пояснил, что это очень мощная модель. Правда, в том виде, как продается, она может развивать только семь с половиной джоулей, так у нас положено по закону, но в комплекте идет шток-толкатель, с установкой которого мощность выстрела возрастет до двадцати восьми джоулей, а скорость вылета полуграммовой пули — до трехсот тридцати метров в секунду.

Но я как-то все-таки не был готов выкидывать двадцать с лишним тысяч на вещь, которая, еще неизвестно, понадобится ли. Так что пришлось со вздохом снять требование о многозарядности, после чего мне был представлен следующий образец. Им оказался американец китайского происхождения «Кросман Квест 1000» — однозарядная переломка наподобие тех, из которых я в детстве несколько раз стрелял в тире на Лужнецкой ярмарке. Она тоже была ограничена под наши законы, но к ней придавалась усиленная пружина, с которой мощность выстрела возрастала в четыре раза. Эта уже стоила шесть с половиной тысяч, и после недолгой борьбы с жабой я полез в карман.

На фоне покупки ружья приобретение рыболовных принадлежностей как-то не запомнилось, ибо истрачено на них было меньше тысячи. По дороге домой я оста-

новился у Беляево, где купил в хозяйственном пару кухонных ножей и моток капроновой веревки.

В силу приближающихся новогодних праздников в магазине торговали и фейерверками, так что я приобрел шестидесятизарядную батарею за четыре с половиной тысячи. Земноводное поначалу вопило — мол, тут есть и за полторы, но я напомнил, что не следует экономить на представительских расходах. В конце концов, это одноразовые траты, и чем сильнее впечатлятся аборигены, тем проще мне будет с ними общаться.

После чего вернулся домой, включил комп и набрал в Яндексе сочетание «мангаревский язык». Быстро выяснилось, что вообще-то этот язык чаще называют мангареванским, он относится к восточно-полинезийским, и слово «небо» на нем звучит как «рани», а дом — «хари». И все. Короче говоря, приемлемого мангареванско-русского разговорника в интернете не нашлось. Но зато нашелся краткий русско-гавайский для туристов, который я и распечатал, потому как Гавайи, в конце концов, тоже относятся к Полинезии. Разговорник действительно оказался очень кратким, он занял всего три страницы. Постаравшись запомнить несколько фраз, я свернул бумаги, сунул в карман и отправился в гараж, потому как следующий поход на остров предполагал устроить оттуда. Во-первых, он расположен на двадцать метров ниже, что хоть и немного, но все же уменьшит разницу давлений, да и ветер там ничему особенно повредить не сможет. Кроме того, сейчас я собирался тащить с собой приличное количество барахла, а в гараже давно стояла купленная для дачи, но так и не доставленная туда тачка. Причем не простая, а с двумя довольно большими колесами.

Итак, тачка нагружена, аппаратура включена... вот открылась маленькая дырочка на остров Хендерсон, откуда сразу засвистел теплый ветер. Минута... вторая... включился оставленный мной маяк на острове, и края

перехода поползли в стороны. Пригнувшись, я рывком вкатил тачку в доисторическую Полинезию.

Аборигены за время моего отсутствия прошли совсем немного, всего метров пятьдесят. Я привел в боевую готовность свою батарею, которая называлась «ни пуха ни пера», выложил из тачки раскладной стульчик, две бутылки воды, пакет попкорна, кулек шоколадных конфет и два биг-мака, разложил все это на трех салфетках и сел ждать подхода делегации.

Надо сказать, что она не очень спешила. Три километра аборигены преодолели минут за сорок пять, дав мне возможность хорошо себя рассмотреть и сосчитать.

Двенадцать человек. Трое мужчин, один из которых явно пожилой. Шесть подростков — две девочки и четыре мальчика лет по двенадцать — четырнадцать. И три... женщины? Нет, все-таки скорее ведьмы, возраста которых я даже не пытался определить.

Делегация подошла метров на сорок и встала, то есть села. Именно села, а не упала на колени! У них тут что, пришельцы вроде меня не вызывают повышенного почтения? Да и хрен с ним, подумал я и встал — пора было поджигать шнур у батареи, которая стояла в десяти метрах за мной.

Примерно полминуты она свистела и хлопала, расцветивая небо разноцветными искристыми шарами. Впрочем, зрителей было немного. После первой же вспышки, сопровождаемой грохотом, почти все уткнулись носами в колени, и только два подростка, мальчик и девочка, с восторгом пялились на невиданное зрелище.

Но оно быстро кончилось. Выдержав минутную паузу, я взял портативный мегафон, расправил на коленях свои распечатки и произнес краткую речь:

— Алоха кака ху... тьфу, хияки! Ау пу рани. Пехеа оэ?

То есть пожелал аборигенам доброго утра, сообщил, что я с неба, и поинтересовался, как у них дела. Что удивительно — меня, кажется, поняли. Во всяком случае, парень, не испугавшийся салюта, завопил что-то, в чем

я разобрал слова «майка иоле», то есть «плохо». При этом он жестикулировал, и жесты были понятнее слов. Сначала оратор показал на своих спутников, потом втянул живот так, что он прилип к позвоночнику, а сам парень стал похож на наглядное пособие по дистрофии, и вот тут-то и прозвучало то самое «плохо». Потом он довольно внятно показал, что им нечего есть и пить, и, выбрав самую мелкую девочку, пригнул ее на песок, свел руки к ногам и жалобно запричитал. Я так понял, что от недоедания у них умирали дети. Но, глянув в свой словарь, не нашел там ни одного подходящего к случаю выражения. Откуда, скажите мне, в полинезийском языке взялись слова «банк», «отель», «паспорт», «аэропорт» и так далее? Их же в моей шпаргалке набралась почти страница. А вот из фразы «я пришел помочь вам» нашлось только последнее слово. Так что, плюнув на попытки объясниться словами, я просто протянул пареньку конфету. Он неуверенно подошел, взял ее, но что с ней делать дальше, не понимал. Пришлось достать дружку и съесть у него на глазах.

Физиономия паренька выразила понимание, он развернул свой подарок, понюхал, лизнул...

На его лице проступило столь явно голодное выражение, что я побоялся: не подавился бы он этой «Белочкой». Но молодой человек вдруг сделал над собой героическое усилие и протянул конфету соседке.

Вот это да, подумал я, запуская руку в кулек и доставая оттуда сразу горсть «Белок». Она ему сестра или кто? Хоть так, хоть этак подобные алгоритмы поведения внушают оптимизм.

В общем, скоро вся делегация лопала продукцию кондитерской фабрики имени Бабаева. Пока они занимались этим сверхважным делом, я рассмотрел их повнимательнее.

Вопреки утверждениям википедии, встретившиеся мне полинезийцы почти не имели татуировок. Только самый старый из мужчин мог похвастаться тремя поло-

сками на подбородке и двумя — над бровями, да у того, что чуть помоложе, на лбу имелась спираль и какая-то закорючка на правом плече. Все остальные же явно пренебрегли искусством тату.

Одежда аборигенов представляла собой юбочки из материала, похожего на циновки. У мужчин они были чуть покороче, у женщин — длиннее, но с разрезом сзади. Естественно, ничего похожего на бюстгальтеры не наблюдалось. Но ни малейшего интереса этот факт во мне не вызвал, ибо все лица женского пола были или слишком молоды, или еще хуже: слишком страшны.

После конфет настала очередь попкорна и биг-маков. Но так как их было всего два, одаренными оказались только молодые люди, не испугавшиеся салюта. Это явно не понравилось мужику со спиралью, и он что-то квакнул. Девочка, вздохнув, протянула свой биг-мак ему.

А вот подобное надо пресекать в зародыше, подумал я. Если полученные от меня блага кто-то начнет перераспределять по своему усмотрению, добром это не кончится. И, положив руку на рукоять нагана, рявкнул:

— Ты что творишь, с-сука?! Урою! А ну быстро отдал ребенку подарок, козел!

В голове же билась какая-то заполошная мысль — неужели придется стрелять?

Но нет, не пришлось. Услышав мой рык, дикари попадали на четвереньки, а узурпатор при этом тут же вернул девочке ее подарок.

— То-то же, — хмыкнул я и протянул им бутылку с водой. Опять краткое недоумение — как ее оттуда вылить? Но когда я свинтил крышку, начался прямо-таки концерт.

Надо сказать, что одариваемые неплохо справились с выражением запредельного восторга. Особенно отличился только что обруганный носитель спирали. Он подпрыгивал, воздевал руки к небу, падал, вскакивал, громко хлопал себя по животу и вновь падал. Остальные

тоже явно были довольны, но выражали свой восторг более сдержанно.

Посмотрев на представление минут пять, я решил, что его пора закруглять. Во исполнение чего не очень громко, но по возможности внушительно объявил:

— Господа, торжественная часть окончена.

Кажется, меня поняли, потому как аудитория довольно быстро утихла. Пора, пожалуй, переходить к знакомству. Но вот ведь, блин, в паршивом словарики была даже «библиотека», но не имелось фраз «мое имя...» и «как тебя зовут?». Так что я просто потыкал себя в грудь и несколько раз по слогам произнес «Николай». Потом упер палец в паренька и с вопросительным выражением на лице поинтересовался:

— Мм?

— Тими, — тут же отреагировал юноша. — Тими-ау! — И тоже потыкал себя в грудь.

Вскоре выяснилось, что девочку, которой он отдал первую конфету, зовут Хани. Спираленосец оказался Камиром или Камир-ау. Представившись, он еще полминуты что-то объяснял, и я решил, что это здешний шаман. В общем, потом выяснилось, что так оно и было.

Самый пожилой представился именем из трех слов, но я запомнил только первое — Тапу.

На этом церемония представления была свернута. Используя жесты и отрывочные слова из шпаргалки, я попытался объяснить, что хочу построить здесь дом. Все, кто поможет мне в этом деле, поимеют богатые подарки. Сбор добровольцев — часов через пять.

Здесь я сначала показал на солнце, а потом на то место, где оно окажется в обозначенное время. Похоже, меня поняли, а значит, пора прощаться.

— О куи-хау аку! — утешил я аборигенов и залез в палатку, где включил питание маяка. А потом выбрался оттуда, подождал минуту и прошел в свой гараж, сопровождаемый потрясенным аханьем обитателей острова Хендерсон.